

ГОРДОСТЬ КУЙБЫШЕВСКОЙ СЦЕНЫ

ГЕОРГИЙ Александрович Шебуев, которому исполнилось бы завтра 90 лет, принадлежал к актерам того поколения, которые начали свою профессиональную работу в предреволюционные годы, стали живым мостиком, перекинутым из старого русского демократического искусства в бурлящую новую революционную России. Новый советский театр создавался на его глазах и при его участии. Всю свою энергию и талант, всю свою веру в великую миссию искусства, в театр, способный стать трибуной передовой общественной мысли, он щедро вложил в свое творчество — в артистическую, общественную, педагогическую деятельность. На куйбышевской сцене играло немало больших актеров,

но далеко не каждый из них сумел стать самой частицей этого театра, его плотью и кровью...

В Самаре в 1910 году впервые вышел Г. А. Шебуев на сцену, почти тридцать лет беспрерывно проработал он в Куйбышевском драматическом, который не назывался тогда «академическим», но уже имел своих «академиков».

Одним из них был Г. А. Шебуев. Связав свою судьбу с нашим театром — театром психологической драмы, следуя заветам Станиславского, он по сути дела сам до конца своих дней составлял и утверждал идейно-художественный «устав» этого театра, ставшего одним из серьезнейших и блистательных российских театров.

Зрителям моего поколения до

сих пор как-то странно считать Г. А. Шебуева старым актером. Пришедшие впервые в театр в послевоенные годы, мы в общем-то мало знали о славе этого актера, но не могли не поддаться обаянию тех спектаклей, где царил Г. А. Шебуев. Генерал Реутов в «Крепости на Волге», Часовщик в «Кремлевских курантах», Стесель в «Порт-Артуре», Колокольников в «Персональном деле», князь К. в «Дядюшкином сне»...

Это был актер не просто убедительный, не просто живой и своеобразный, при его игре мы присутствовали при рождении какой-то тайны — важной и неотложной. Потом рецензенты сформулируют это состояние так: сценическое воплощение жизни человеческого духа...

Увы, только позднее мы поняли, что видели только часть айсберга, той глубины, которую представлял собой этот актер, сыгравший галерею героев русской классики, горьковской драматургии — Протасова, Цыганова, Захара Бардина, Барона, Хеверна. Размышляя сейчас над этим бесконечным списком ролей, я думаю, что актер Г. А. Шебуев обладал замечательнейшей особенностью: познавал тайны жизни и тайны искусства, он добровольно сделал себя средоточием двух этих великих начал.

Вот почему его так любили и зрители и актеры.

И еще, очень важное. Он всегда был борец и воспитатель. Борец за высокое предназначение искусства, за великие традиции русского реалистического театра.

В последние годы его жизни мы были с ним дружны и тесно сотрудничали на ниве театральной критики. Г. А. Шебуев был в ту пору патриар-

хом театра, общепризнанным авторитетом. Но никогда не считал зазорным позвонить наутро своему коллеге-мальчишке, опубликовавшему рецензию, отчитать за легкомысленный пассаж, похвалить за удачное наблюдение...

До последних дней жизни он внимательно следил за театральной жизнью, следил не по мелочам, по важнейшим и глубинным процессам, высказывался остро, бескомпромиссно. У меня хранится газетная вырезка — последняя статья Г. А. Шебуева «Осторожно, формализм!», вызвавшая в свое время бурные споры. Сейчас она представляется мне творческим завещанием артиста, который понимал театр как университет народной жизни, область, в которой все — жизнь человеческого духа, и ничто — разлеченность и формалистические фокусы...

Артист Г. А. Шебуев на этом стоял всю жизнь.

Е. ЖОГОЛЕВ.

буеве, драматическом артисте.

Он легко мог бы быть музыкальным критиком. Музыку он знал не только по слуху. Главное — как он ее

театра, дирижер Ю. Файер. С большим листом появляется Шебуев. Верно, он был болен, но не мог не явиться на концерт, который вызывал интерес и творческий и гражданский. Часто появлялись его рецензии на оперные спектакли или концерты. Разговор шел высокопрофессиональный. Шебуев знал предмет и знал, о чем он пишет.

Шебуев мог играть Городничего и через день — Хлестакова. И слышалось: «Вот это артист!»

Я его знал полвека. Он поражал знаниями, и они были разносторонние. Поверхностное жеологство здесь отсутствовало.

Он знал предмет, начиная от братьев Коклен, корифеев французского театра. Он многое говорил о Щепкине и Гоголе такого, что думалось: откуда у него эти сведения и знания?! Он имел успех и не только у публики. Он имел признание у своих коллег, товарищей.

Удивительный он друг и товарищ! Сидя далеко в зрительном зале, мог заметить, что в «Севильском цирюльнике» граф Альмавива с бархатными бровями. А это действительно было так — брови были вырезаны из бархата и приклеены.

«Слушай, у тебя здорово получается тут каденция, а Ансельми это делал по-другому» и тут же начинала петь. (Ансельми — знаменитый итальянский певец, танцор, вошел в искусство как гастролер-скрипач, потом перешел на стезю пения).

Было одно яркое качество в характере Георгия Александровича Шебуева — необычайная любознательность. Это не последнее качество в искусстве.

Житейские годы его никогда не отягощали, но как он успевал быть на симфоническом концерте, приехать на последний акт «Ромео» или «Фауста», когда сам в этот вечер играл в драматическом спектакле?!

Двигало им не любопытство, а любознательность. Оттого он был профессионалом среди музыкантов, певцов, драматургов, историков и своих коллег — драматических артистов.

Глубокие глаза, вечно изучающие собеседника, учтивость и ласковость приковывали к нему повышенный интерес дев молодых и в возрасте. Если зеркало висело в любом месте, он обязательно посмотрит... У него был нос «римско-католический», как мы ему говорили. Он улыбался: «Я с ним при-

мирлся, но ради Городничего согласен сделать операцию». Шутка? И да и нет. Он жертвовал многим ради искусства, ради театра. Он был студентом, вот-вот должен был окончить... Помните в «Лесе» диалог Счастливецова и Несчастливецова — «теперь на театре много образованных артистов, и чего они лезут?».

А они лезли потому, что в театре они видели кафедру для проповедования высокой морали, истины, чтобы общество, обновляясь, построило жизнь на земле гармоничную, справедливую.

Шебуев всю жизнь — артист. Он мог бы быть завлитом, директором, но был артистом. Он знал и познал многих антрепренеров. Многие от него удирали, но многие и стремились его заполучить.

Его мысли, его записки являются подтверждением мысли «но не хочу, о други, умирать, я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», а также и мысли Чехова о том, что будет принимать участие в жизни и после того, как его не станет. И он принимает это участие...

Те, кто его знал, говорят: «А Шебуев это сделал бы так» или «Шебуев это оценил бы так...»

Если и это может показать-

ся не столь значительным, то надо вспомнить и представить себе тысячи и тысячи людей, которые ушли взволнованными, облагороженными теми спектаклями, в которых принимал участие Шебуев. И если мы его помним — значит он живет сегодня, а именно этому — жизни — он посвятил себя.

Завтра ему исполнилось бы 90 лет.

Если бы он был, он бы кисло-обиженно-недоволен, голосом минимального сказал бы: «Понимаешь, надо играть. Плохо — не хочу, а хорошо — надо подготовиться и постараться и для себя и для горячо любимой аудитории». А в душе радовался бы, что он будет играть в любимом театре...

Наш долг — допеть, договорить о нем.

О его общественных должностях, наградах — рассказ.

Я лично счастлив, что на моем пути встретился многогранный, животрепещущий Георгий Шебуев — замечательный артист и человек Георгий Александрович Шебуев.

Вспомнить ушедших — наш долг.

Ныне здравствующим желаю радости в искусстве, а значит, и в жизни.

СЛОВО ОБ АРТИСТЕ

И. КОЗЛОВСКИЙ.
Народный артист СССР.

Артист. Это слово применяется ко всем тем, кто блистательно свой труд ведет. Это по отношению ко всем профессиям. Но в искусстве, театре, это и определение профессии.

«Это настоящий артист. Он служил и в столице и на периферии, и там и там. Это артист, который влияет на кассу, на сборы». — так говорили в сезон 1924 — 1925 года в Екатеринбурге — Свердловске о Георгии Александровиче Ше-

воспринимал и какую роль она играла в его жизни.

В дни войны Большой театр был эвакуирован в Куйбышев. Были концерты, спектакли, было многое, что волновало. И сегодня мы о многом взволнованно вспоминаем. Идет первый концерт в фонд обороны. Концерт К*, участвует оркестр Большого

* Речь идет о концерте самого И. С. Козловского (Прим. ред.).